
pocket**book**

rocket**book**

Агата Кристи

Автобиография

Москва
2021

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44
К 82

Agatha Christie
AN AUTOBIOGRAPHY

Copyright © 1977 Agatha Christie Limited. All rights reserved
Translation entitled «Автобиография» © 2014 Agatha Christie
Limited. All rights reserved

Разработка серии А. Саукова

Фотография на обложке: AP Photo/East News

Кристи, Агата.

К 82 Автобиография/Агата Кристи ; [пер. с англ. В. Чемберджи, И. Дорониной]. — Москва: Эксмо, 2021. — 880 с.

ISBN 978–5-699–77629–0

«Автобиография», над которой Агата Кристи работала полтора десятка лет, оказалась не менее увлекательной и популярной, чем ее детективы. Любителям мемуарной прозы и поклонникам таланта великой писательницы наверняка будет интересно узнать о том, как она готовилась стать оперной певицей и композитором, в годы Первой мировой войны трудилась сестрой милосердия, работала как фармацевт с экзотическими ядами и ездила на археологические раскопки в Египет, летала на только что изобретенном аэроплане, бесстрашно водила машину, обожала верховую езду и серфинг, даже совершила кругосветное путешествие.

УДК 821.111-94
ББК 84(4Вел)-44

© В. Чемберджи, И. Доронина,
перевод на русский язык, 2021
© Издание на русском языке,
оформление. ООО «Издательство
«Эксмо», 2021

ISBN 978–5-699–77629–0

ВСТУПЛЕНИЕ

Нимруд, Ирак. 2 апреля 1950 г.

Нимруд – нынешнее название древнего города Калаха, военной столицы ассирийцев. Наша экспедиция размещается в доме, выстроенном из саманного кирпича. Расположенный на восточном склоне холма, он состоит из кухни, гостиной, столовой, маленькой конторы, реставрационной мастерской, просторного склада, помещений для гончарных работ и крошечного чуланчика (мы все ночуем в палатках). Однако в этом году к экспедиционному дому добавилась еще одна комнатка площадью примерно в три квадратных метра. Земляной пол в ней покрыт циновками и двумя грубошерстными ковриками. На стене – выполненная яркими красками картина молодого иракского художника-кубиста, изображающая двух осликов, бредущих по суку¹. Есть в комнатке и окошко, через которое открывается вид на заснеженные горные вершины. Снаружи к двери прибита квадратная табличка со стилизованными под клинопись словами: «Бейт Агата» (Дом Агаты).

¹Сук (*араб.*) – базар, где не только продают, но и изготавливают всевозможные ремесленные изделия.

Это мой «дом», предназначенный для того, чтобы здесь, в полном уединении, я могла посвятить себя литературной работе. Вполне вероятно, что по мере продолжения раскопок у меня не окажется времени писать. Придется чистить и приводить в порядок найденные предметы, фотографировать, наклеивать ярлыки, каталогизировать и упаковывать. Но первые недели или дней десять я, может статься, буду более или менее свободна.

По правде говоря, не все здесь способствует сосредоточенному труду. Над головой по крыше с радостными воплями скачут арабские рабочие, весело перекрикиваются друг с другом и переставляют с места на место хлипкие стремянки. Лают собаки, кулдыкают индюки. Позвякивает сбруей лошадь полицейского. Двери и окна не желают закрываться и хлопают на ветру. Я сижу за шатким деревянным столом, а рядом стоит весело раскрашенный жестяной сундучок, неизбежная принадлежность путешествующих арабов. В него я намереваюсь складывать страницы рукописи.

Мне нужно бы сочинять полицейский роман, но поскольку типичное свойство писательской натуры заключается в том, чтобы рваться писать обо всем на свете, кроме того, что он должен, мне вдруг страстно захотелось написать автобиографию. Я слышала, что любой человек рано или поздно ощущает в этом потребность. Совершенно неожиданно такое желание овладело и мною.

С другой стороны, автобиография обязывает слишком ко многому. Подразумевается скрупулезное исследование жизни, с именами, местами и датами в строгой хронологической последова-

тельности. Мне же хочется наугад запустить руку в собственное прошлое и выудить оттуда пригоршню воспоминаний.

Жизнь, мне кажется, состоит из трех периодов: бурное и упоительное настоящее, минута за минутой мчащееся с роковой скоростью; будущее, смутное и неопределенное, позволяющее строить сколько угодно интересных планов, чем сумасброднее – тем лучше, все равно жизнь распорядится по-своему, так что мечтайте себе на здоровье; и, наконец, третий период – прошлое, фундамент нашей нынешней жизни, воспоминания, разбуженные невзначай каким-нибудь ароматом, очертаниями холма, старой песенкой – чем-то совсем обычным, вдруг заставляющим нас пробормотать: «Помню, как...» – с особым и неизъяснимым наслаждением.

Воспоминания – одна из наград, которые приносят возраст, и при этом награда сладостная.

К несчастью, вам очень часто хочется не только вспоминать, но и рассказывать. Постоянно повторяйте себе, что людям скучно слушать вас. В самом деле, с какой стати их должна интересовать ваша жизнь, а не их собственная? В молодости они порой снисходят до вас из соображений исторической любознательности.

– Полагаю, – вежливо интересуется юная особа, – вы помните все о Крымской войне?

Почти оскорбленная, я отвечаю, что для этого еще недостаточно стара. Я категорически отбрасываю возможность своего участия в восстании сипаев в Индии. Но согласна поделиться всем, что знаю об

Англо-бурской войне, потому что мой брат сражался в Южной Африке¹.

Первое воспоминание, которое возникает у меня в памяти, – я иду с мамой по улицам Динара на базар. Мальчишка с тяжелой корзиной пирожков на полном ходу пулей врывается в меня, расцарапывает мне руку и чуть не опрокидывает на землю. Больно. Я заливаюсь слезами. Мне, наверное, лет семь.

Мама, превыше всего ставящая стоицизм поведения в общественных местах, тихо увещевает.

– Подумай, – шепчет она, – о наших храбрых солдатах в Южной Африке.

В ответ я реву еще громче.

– Не хочу быть храбрым солдатом, я просто девочка.

Отчего вспоминается то, а не другое? Жизнь – вереница диапозитивов. Вы сидите и смотрите на экран. Хлоп! Я, совсем маленькая, ем шоколадные эклеры на своем дне рождения. Хлоп! Прошло два года, и я на коленях у бабушки, со связанными взаправду руками и ногами. Я – цыпленок, прибывший только что от мистера Уайтли и приготовленный для духовки, и я почти в истерике от смеха.

Всплывают мгновения – а между ними долгие месяцы или даже годы. А что же происходило тогда? И поневоле возвращаешься к вопросу Пер Гюнта: «Где я был, я сам, я весь, я настоящий?»

Нам не дано знать всего человека, хотя иногда в

¹ Война Великобритании против республик Трансвааль и Оранжевое Свободное Государство, основанных бурами – голландскими переселенцами в Южную Африку. Проходила в 1899–1902 гг., спустя полвека после Крымской войны (1853–1856 гг.) и восстания сипаев в Индии (1857–1859 гг.).

ярких мгновенных вспышках мы видим его истинным. Думаю, что воспоминания, какими бы незначительными они ни казались, как раз и высвечивают внутреннюю человеческую суть.

Я сегодняшняя точно такая же, как та серьезная маленькая девочка с льняными локонами. Дом – тело, в котором обитает дух, – вырастает, развивает инстинкты, вкусы, эмоции, интеллект, но я сама, я вся, я – настоящая Агата, я – остаюсь. Я не знаю всей Агаты. Всю Агату знает один только Господь Бог.

Вот мы проходим все поочередно: маленькая Агата Миллер, юная Агата Миллер, Агата Кристи и Агата Мэллоуэн. Куда мы идем? Конечно же, никто не знает, и именно от этого перехватывает дыхание.

Я всегда считала жизнь увлекательной штукой и думаю так до сих пор. Мы мало знаем о ней – разве что крошечную частичку собственной, как актер, которому предстоит произнести несколько строк в первом акте. У него есть напечатанный на машинке текст роли, и это все, что ему известно. Пьесы он не читал. Да и зачем? Все, что от него требуется, это произнести: «Телефон не работает, мадам» – и исчезнуть.

Но когда в день спектакля занавес поднимется, он увидит всю пьесу и займет в ней место наряду с остальными персонажами.

Думаю, что быть частичкой чего-то целого – одно из самых главных таинств жизни.

Я люблю жизнь. И никакое отчаяние, адские муки и несчастья никогда не заставят меня забыть, что просто жить – это великое благо.

Насладиться радостями памяти, не спеша писать время от времени несколько страниц – вот что я собираюсь делать. Задача, на решение которой, скорее

всего, уйдут годы. Но почему же задача? Это не задача, а прихоть, потворство своему желанию.

Однажды меня восхитил старинный китайский рисунок, я полюбила его навсегда. На нем изображен сидящий под деревом старик. Он играет в бильбоку¹. Рисунок называется: «*Старик, наслаждающийся праздностью*». Никогда не забуду его.

Итак, предупредив, что собираюсь развлекаться, пожалуй, и начну. И хотя нисколько не верю в свою способность придерживаться хронологии, могу, по крайней мере, начать с начала.

¹ Бильбоке (*фр.*) – детская игрушка. Прикрепленный на веревке шарик нужно поймать, подбросив, в «чашечку»

Часть I

ЭШФИЛД

O! Ma chère Maison; mon nid, mon gote.
Le Passé t'habite... O! ma chère Maison¹.

Глава 1

Самое большое счастье, которое может выпасть в жизни, – это счастливое детство. У меня было очень счастливое детство. Милые моему сердцу дом и сад; мудрая и терпеливая няня; мама и папа, горячо любившие друг друга, сумевшие стать счастливыми супругами и родителями.

Оглядываясь в прошлое, я понимаю, что в нашем доме в самом деле царило благоденствие и главной его причиной была необыкновенная доброта моего отца. В наши дни доброта не слишком ценится. Людей гораздо больше интересует, умен ли человек, трудолюбив ли, приносит ли пользу обществу, вписывается ли в принятые рамки поведения. Но Чарлз Диккенс в «Давиде Копперфилде» восхитительно сказал об этом:

«– А твой брат – добрый, Пеготти? – предусмотрительно осведомился я.

– Ах, какой добрый! – воздев руки, воскликнула Пеготти».

Задайте себе этот вопрос, вспомните ваших многочисленных друзей и знакомых, и вы, наверное, уди-

¹ О, мой милый дом, мое пристанище, мой покой. Обитель прошлого... О, мой милый дом (*фр.*).

витель, как редко сможете ответить на него словами Пеготти.

Сейчас мой отец вряд ли заслужил бы одобрение. Он был ленив. Но в его времена никто не работал, имея постоянный доход, никто и не ждал этого. В любом случае я решительно склоняюсь к тому, что из папы не вышел бы работяга.

Каждое утро он покидал наш дом в Торки¹ и отправлялся в свой клуб. К обеду возвращался в кебе, а после полудня снова ехал в клуб играть в вист и приезжал домой как раз вовремя, чтобы переодеться к обеду. Весь сезон он проводил свои дни в Крикетном² клубе, президентом которого состоял.

Иногда папа с удовольствием играл в любительских спектаклях. У него было несметное количество друзей, и он обожал приглашать их в гости. Два или три раза в неделю родители выезжали сами.

Только позднее я поняла, как любили его окружающие. После смерти папы нас засыпали письмами – местные лавочники, извозчики, старые рабочие; то и дело ко мне подходил какой-нибудь старичок со словами:

– Ах, я отлично помню мистера Миллера. Никогда его не забуду. Теперь таких людей не бывает.

Между тем он не обладал ни какими-то особыми достоинствами, ни редкостным умом. У него было простое и любящее сердце, и он действительно любил людей. Выделяло его отменное чувство юмора, он легко мог рассмешить кого угодно. В нем не было ни ме-

¹Торки – приморский курорт на юго-западе Англии, в графстве Девоншир.

²Крикет – популярная спортивная командная игра на травяном поле с мячом и битами.

лочки, ни ревности, он отличался фантастической щедростью, вплоть до расточительности. Счастливый и безмятежный.

Совсем другой была мама. Натура загадочная, притягательная, более сильная личность, чем папа, на удивление оригинально мыслящая и в то же время робкая и неуверенная в себе, в глубине души, как мне кажется, склонная к меланхолии.

Слуги и дети были всецело преданы ей и немедленно повиновались каждому ее слову. Она могла бы стать первоклассным педагогом. Все, что она говорила, казалось важным и неизменно вызывало прилив энтузиазма. Ничто не раздражало ее больше, чем однообразие. И в разговоре она перескакивала с одной темы на другую с такой легкостью, что иной раз трудно было уловить ход ее мысли. Как считал папа, у мамы не было ни малейшего чувства юмора. Мама возмущенно протестовала против этого обвинения.

– Представь себе, некоторые из твоих историй я вовсе не нахожу забавными, Фред! – говорила мама, и отец заливался смехом.

Мама была лет на десять младше папы и страстно полюбила его еще десятилетней девочкой. Пока молодой беспечный повеса курсировал между Нью-Йорком и югом Франции, мама, робкая, тихая девочка, сидела дома, погруженная в мечты о нем, писала в дневнике стихи и вышивала ему кошелек. Этот кошелек отец хранил всю жизнь.

Типичный для Викторианской эпохи роман оказался наполненным глубокими чувствами.

Я пишу о родителях не только потому, что они мои родители. Они явили собой редкий феномен – счастливый брак.

До сих пор я видела только четыре счастливых супружества. Существует ли рецепт успеха в браке? Вряд ли. Из четырех моих примеров в одном случае семнадцатилетняя девушка вышла замуж за человека старше ее на пятнадцать лет. Он сопротивлялся, уверяя, что она не понимает, что делает. Она упрямо отвечала, что прекрасно понимает и уже три года как твердо решила стать его женой! В дальнейшем их супружеская жизнь осложнилась появлением сначала одной, а потом и другой матери, которые стали жить вместе с ними; уже этого более чем достаточно, чтобы разрушить любой союз. Но жена отличалась спокойствием и рассудительностью. В чем-то она напоминает мне маму, хоть и не блещет интеллектом. У них трое детей, которые рассеялись теперь по всему белу свету. Брак этот длится вот уже более тридцати лет, и супруги по-прежнему преданы друг другу. В другом случае молодой человек женился на вдове, пятнадцатью годами старше его. Многие годы она отказывала ему, наконец приняла его предложение, и они прожили тридцать пять счастливых лет вплоть до самой ее смерти.

Мама, урожденная Клара Бомер, в детстве была очень несчастлива. Ее отца, служившего в шотландском полку в Аргайле, сбросила лошадь, он разбился насмерть; моя бабушка, юная и красивая, осталась вдовой с четырьмя детьми на руках и, кроме скудной вдовьей пенсии, без всяких средств к существованию. Ее старшая сестра, только что вышедшая замуж за богатого американского вдовца, написала письмо, в котором предложила взять кого-нибудь из детей на воспитание и обещала обращаться с ребенком как с родным.

Молодая вдова, не выпускавшая из пальцев иголки, чтобы как-то прокормить и воспитать четырех детей, приняла предложение. Из трех мальчиков и девочки она выбрала девочку; то ли оттого, что ей казалось, будто мальчики легче найдут дорогу в жизни, в то время как девочка нуждается в поддержке, то ли, как всегда говорила мама, потому, что она больше любила мальчиков.

Мама покинула Джерси¹ и поселилась в незнакомом доме на севере Англии. Думаю, нанесенная ей обида, горькое чувство отринутости наложили отпечаток на всю ее жизнь. Она потеряла уверенность в себе и стала сомневаться в чувствах окружающих. Тетя, щедрая, веселая, не имела, однако, ни малейшего представления о детской психологии. Мама получила все: богатство, комфорт, уют, заботу. Но безвозвратно потеряла беспечную жизнь с братьями в своем доме.

В газетных столбцах, отведенных для писем обеспокоенных родителей, я часто наталкиваюсь на просьбы: «Хотела бы передать на воспитание в богатую семью ребенка, чтобы он получил блага, которых я не могу ему обеспечить, – прежде всего первоклассное воспитание и образование».

Мне всегда хочется крикнуть: «Не отпускайте своего ребенка!» Дом, семья, любовь и надежность домашнего очага – разве самое лучшее образование в мире может заменить это или сравниться с этим?

Моя мать была глубоко несчастна в новом доме. Каждый вечер она засыпала в слезах, бледнела, худела. Наконец она заболела, и тете пришлось вызвать

¹ Джерси – остров в проливе Ла-Манш.